

ДВОЕВЛАСТИЕ

Что составляет сущность двоевластия? Нельзя не остановиться на этом вопросе, освещения которого нам не приходилось встречать в исторической литературе. Между тем двоевластие есть своеобразное состояние общественного кризиса, свойственное далеко не одной только русской революции 1917 года, хотя и подмеченное наиболее отчетливо именно в ней.

Антагонистические классы существуют в обществе всегда, и класс, лишенный власти, неизбежно стремится в той или другой степени отклонить государственный курс в свою сторону. Это, однако, совсем еще не значит, что в обществе царит двое- или многовластие. Характер политического строя определяется непосредственно отношением угнетенных классов к господствующему. Единовластие, необходимое условие устойчивости каждого режима, сохраняется до тех пор, пока господствующему классу удается навязывать всему обществу свои экономические и политические формы как единственно возможные.

Одновременное властвование юнкерства и буржуазии -- в гогенцоллернской ли форме или в республиканской -- не есть двоевластие, как ни сильны временами конфликты между двумя соучастниками во власти: социальная основа у них общая, расколом государственного аппарата их столкновения не грозят. Режим двоевластия возникает лишь из непримиримого столкновения классов, возможен поэтому только в революционную эпоху и образует собою один из ее основных элементов.

Политическая механика революции состоит в переходе власти от одного класса к другому. Насильственный переворот сам по себе совершается обычно в короткий срок. Но ни один исторический класс не возносится от подчиненного положения к господствующему внезапно, за одну ночь, хотя бы это была ночь революции. Он уже должен накануне занимать чрезвычайно независимое положение по отношению к официально господствующему классу; мало того, он должен сосредоточивать на себе надежды промежуточных классов и слоев, недовольных существующим, но неспособных к самостоятельной роли. Историческая подготовка переворота приводит в предреволюционный период к такому положению, когда класс, призванный осуществить новую общественную систему, не став еще хозяином страны, фактически сосредоточивает в своих руках значительную долю государственного могущества, тогда как официальный аппарат государства остается еще в руках старых владык. Это и есть исходное двоевластие всякой революции.

Но это не единственный его вид. Если новый класс, поставленный у власти революцией, которой он не хотел, является, по существу, уже старым, исторически запоздалым классом; если он успел износиться до своего официального коронования; если, придя к власти, он застаёт своего антагониста уже достаточно созревшим и протягивающим руку к кормилу государства, -- тогда на смену одному неустойчивому равновесию двоевластия политический переворот приводит другое, иногда еще менее

устойчивое. В победе над "анархией" двоевластия и состоит на каждом новом этапе задача революции или -- контрреволюции.

Двоевластие не только не предполагает, но, вообще говоря, исключает дележ власти на равные половины и вообще какое-либо формальное равновесие властей. Это не конституционный, а революционный факт. Он свидетельствует о том, что нарушение социального равновесия уже раскололо государственную надстройку. Двоевластие возникает там, где враждебные классы уже опираются на несовместимые по существу государственные организации -- отжившую и слагающуюся, -- которые на каждом шагу оттесняют друг друга в области руководства страной. Доля власти, достающаяся при этом каждому из борющихся классов, определяется соотношением сил и ходом борьбы.

По самому своему существу такое состояние не может быть устойчивым. Общество нуждается в концентрации власти и, в лице господствующего класса или в данном случае двух полугосподствующих классов, непримиримо стремится к ней. Расщепление власти предвещает не что иное, как гражданскую войну. Прежде, однако, чем соперничающие классы и партии решаются на нее, особенно в том случае, если они боятся вмешательства третьей силы, они могут оказаться вынуждены довольно долго терпеть и даже как бы санкционировать систему двоевластия. Тем не менее она неизбежно взрывается. Гражданская война придает двоевластию наиболее наглядное, именно территориальное выражение: каждая из властей, создав свой укрепленный плацдарм, ведет борьбу за остальную территорию, которая нередко претерпевает двоевластие в форме поочередного нашествия двух воюющих властей, пока одна из них не утверждается окончательно.

Английская революция XVII столетия именно потому, что это была великая революция, разворотившая нацию до дна, представляет собою явное чередование режимов двоевластия с острыми переходами от одного к другому в виде гражданской войны.

Сперва королевской власти, опирающейся на привилегированные классы или верхи классов, аристократов и епископов, противостоят буржуазия и близкие ей слои поместного дворянства. Правительством буржуазии является пресвитерианский парламент, опирающийся на лондонское Сити. Затяжная борьба этих двух режимов разрешается открытой гражданской войной. Два правительственных центра, Лондон и Оксфорд, создают свои армии, двоевластие оформляется территориально, хотя, как всегда в гражданской войне, территориальные разграничения крайне неустойчивы. Парламент побеждает. Король пленен и ждет своей участи.

Казалось бы, создаются условия единовластия пресвитерианской буржуазии. Но еще прежде, чем сломлена королевская власть, парламентская армия превращается в самостоятельную политическую силу. Она сосредоточивает в своих рядах индипендентов, благочестивых и решительных мелких буржуа, ремесленников, земледельцев. Армия властно вмешивается в общественную жизнь не просто как вооруженная сила, не как преторианская гвардия, а как политическое представительство нового класса,

противостоящего зажиточной и богатой буржуазии. Соответственно с этим армия создаст новый государственный орган, поднимающийся над военным командованием, -- совет солдатских и офицерских депутатов ("агитаторов"). Наступает новый период двоевластия: пресвитерианского парламента и индипендентской армии. Двоевластие ведет к открытому столкновению. Буржуазия оказывается бессильна противопоставить "образцовой армии" Кромвеля, т. е. вооруженным плебейам, собственную армию. Конфликт кончается чисткой пресвитерианского парламента при помощи индипендентской сабли. От парламента остается охвостье, устанавливается диктатура Кромвеля. Низы армии под руководством левеллеров, крайнего левого крыла революции, пытаются противопоставить господству военных верхов, грандов армии, свой собственный, настоящий плебейский режим. Но новое двоевластие не получает развития: у левеллеров, у мелкобуржуазных низов еще нет и не может быть своего исторического пути. Кромвель скоро справляется с противниками. Устанавливается новое, далеко, впрочем, не устойчивое политическое равновесие на ряд лет.

Во время Великой французской революции Учредительное собрание, хребтом которого являлись верхи третьего сословия, сосредоточивало в своих руках власть, не отнимая, однако, полностью прерогатив короля. Период Учредительного собрания есть период острого двоевластия, которое кончается бегством короля в Варенн и ликвидируется формально лишь с учреждением республики.

Первая французская конституция (1791), построенная на фикции полной независимости законодательной и исполнительной власти друг от друга, скрывала на самом деле или стремилась скрыть от народа реальное двоевластие: буржуазии, окончательно окопавшейся в Национальном собрании после взятия народом Бастилии, и старой монархии, еще опиравшейся на верхи дворянства, клира, бюрократии и военщины, не говоря о надеждах на иностранную интервенцию. В этом противоречивом режиме было заложено его неизбежное крушение. Выход мог быть найден либо в уничтожении буржуазного представительства силами европейской реакции, либо в гильотине для короля и монархии. Париж и Кобленц должны были помериться силами.

Но еще прежде, чем дело дошло до войны и гильотины, выступает на сцену Парижская коммуна, опирающаяся на городские низы третьего сословия и все более дерзко оспаривающая власть у официальных представителей буржуазной нации. Создается новое двоевластие, первые проявления которого мы наблюдаем уже в 1790 году, когда крупная и средняя буржуазия еще прочно сидит в администрации и муниципалитетах. Какая поразительная -- и вместе как гнусно оклеветанная! -- картина усилий плебейских слоев подняться снизу, из социальных подвалов и катакомб, и вступить на ту запретную арену, где люди в париках и кюлотах решали судьбы нации. Казалось, что самый фундамент, попиравшийся ногами просвещенной буржуазии, ожил и зашевелился, из сплошной массы выступили человеческие головы, протянулись вверх мозолистые руки,

послышались хриплые, но мужественные голоса! Дистрикты Парижа, бастарды революции, зажили собственной жизнью. Они были признаны -- их невозможно было не признать! -- и преобразованы в секции. Но они неизменно ломали перегородки и получали приток свежей крови снизу, открывая, вопреки закону, доступ в свои ряды бесправным, беднякам, санкюлотам. Одновременно с этим деревенские муниципалитеты становятся прикрытием мужицкого восстания против буржуазной законности, покровительствующей феодальной собственности. Так из-под второй нации поднимается третья.

Парижские секции сперва оппозиционно противостояли Коммуне, которую владела еще почтенная буржуазия. Смелым порывом 10 августа 1792 года секции завладели Коммуной. Отныне революционная Коммуна противостояла Законодательному собранию, а затем Конвенту, которые отставали от хода и задач революции, регистрировали события, а не делали их, ибо не располагали энергией, отвагой и единодушием того нового класса, который успел подняться со дна парижских дистриктов и нашел опору в самых отсталых деревнях. Как секции овладели Коммуной, так Коммуна, путем нового восстания, овладела Конвентом. Каждый из этих этапов характеризовался резко очерченным двоевластием, оба крыла которого стремились установить единую и сильную власть: правое -- путем обороны, левое -- путем наступления. Столь характерная для революций, как и для контрреволюций, потребность в диктатуре вытекает из невыносимых противоречий двоевластия. Переход от одной его формы к другой осуществляется путем гражданской войны. Великие этапы революции, то есть передвижка власти к новым классам или слоям, совершенно не совпадают при этом с циклами представительных учреждений, которые шествуют за динамикой революции, как ее запоздалая тень. В конце концов революционная диктатура санкюлотов сливается, правда, с диктатурой Конвента -- но какого? -- очищенного рукой террора от жирондистов, еще вчера господствовавших в нем, урезанного, приспособленного к господству новой социальной силы. Так, по ступеням двоевластия, французская революция в течение четырех лет поднимается к своей кульминации. Начиная с 9 термидора она, снова по ступеням двоевластия, начинает спускаться вниз. И опять гражданская война предшествует каждому спуску, как она сопровождала ранее каждый подъем. Так новое общество ищет нового равновесия сил.

Русская буржуазия, воюя с распутинской бюрократией и сотрудничая с ней, за время войны чрезвычайно укрепила свои политические позиции. Эксплуатируя поражения царизма, она, через посредство земского и городского союзов и военно-промышленных комитетов, сосредоточила в своих руках большое могущество, распоряжалась самостоятельно огромными государственными средствами, представляла собою, по сути дела, параллельное правительство. Во время войны царские министры жаловались, что князь Львов снабжает армию, кормит, лечит и даже устраивает парикмахерские для солдат. "Надо с этим покончить или отдать

ему в руки всю власть", -- говорил еще в 1915 году министр Кривошей. Он не думал, что Львов через полтора года получит "всю власть", только не из рук царя, а из рук Керенского, Чхеидзе и Суханова. Но на второй день после того, как это совершилось, открылось новое двоевластие: наряду со вчерашним либеральным полуправительством, сегодня формально узаконенным, выросло неофициальное, но тем более действительное правительство трудящихся масс в лице советов. С этого момента русская революция начинает вырастать в событие всемирно-исторического значения.

В чем, однако, своеобразие двоевластия Февральской революции? В событиях XVII и XVIII столетий двоевластие представляет собою каждый раз естественный этап борьбы, навязанный ее участникам временным соотношением сил, причем каждая из сторон стремится заменить двоевластие собственным единовластием. В революции 1917 года мы видим, как официальная демократия сознательно и преднамеренно создает двоевластие, отбиваясь из всех сил от перехода власти в ее собственные руки. Двоевластие складывается на первый взгляд не в результате борьбы классов за власть, а в результате добровольной "уступки" власти одним классом другому. Поскольку русская "демократия" стремилась к выходу из двоевластия, она его видела в своем собственном отстранении от власти. Именно это мы и назвали парадоксом Февральской революции.

Некоторую аналогию можно найти разве в поведении немецкой буржуазии в 1848 году по отношению к монархии. Но аналогия неполна. Немецкая буржуазия стремилась, правда, во что бы то ни стало поделить власть с монархией на основах соглашения. Но буржуазия не имела полноты власти в своих руках и отнюдь не уступала ее целиком монархии. "Прусская буржуазия номинально владела властью, она ни минуты не сомневалась в том, что силы старого государства без задних мыслей предоставят себя в ее распоряжение и превратятся в преданных приверженцев ее собственного всевластия" (Маркс и Энгельс). Русская демократия 1917 года, обладавшая с момента переворота всей властью, стремилась не просто поделить ее с буржуазией, а сдать ей государство целиком. Это значит, пожалуй, что в первой четверти XX века официальная русская демократия успела политически разложиться больше, чем немецкая либеральная буржуазия середины XIX века. Это вполне закономерно, ибо представляет оборотную сторону того подъема, который проделал за эти десятилетия пролетариат, занявший место ремесленников Кромвеля и санкюлотов Робеспьера.

Если взглянуть на дело поглубже, то двоевластие Временного правительства и Исполнительного комитета имело чисто отраженный характер. Претендентом на новую власть мог быть только пролетариат. Неуверенно опираясь на рабочих и солдат, соглашатели вынуждены были поддерживать двойную бухгалтерию царей и пророков. Двоевластие либералов и демократов лишь отражало подспудное пока еще двоевластие буржуазии и пролетариата. Когда большевики оттеснят соглашателей во главе советов -- это произойдет через несколько месяцев, -- тогда подспудное двоевластие выступит наружу, и это будет канун октябрьского переворота.

До этого момента революция будет жить в мире политических отражений. Преломившись через резонерство социалистической интеллигенции, двоевластие из этапа классовой борьбы превратилось в регулятивную идею. Именно этим оно поставило себя в центре теоретического обсуждения. Ничто не пропадает даром. Отраженный характер февральского двоевластия позволил нам лучше понять те этапы истории, когда двоевластие выступает как полнокровный эпизод в борьбе двух режимов. Так отраженный и немощный свет луны дает возможность сделать важные заключения о солнечном свете.

В неизмеримо более высокой зрелости русского пролетариата по сравнению с городскими массами старых революций и заключалась коренная особенность русской революции, приведшая сперва к парадоксу полупризрачного двоевластия и помешавшая затем реальному двоевластию разрешиться в пользу буржуазии. Ибо вопрос стоял так: либо буржуазия действительно овладеет старым государственным аппаратом, подновив его для своих целей, причем советы должны будут сойти на нет; либо советы лягут в основу нового государства, ликвидировав не только старый аппарат, но и господство тех классов, которым он служил. Меньшевики и эсеры держали курс на первое решение. Большевики -- на второе. Угнетенные классы, которым, по словам Марата, не хватало в прошлом ни знаний, ни сноровки, ни руководства, чтобы довести начатое ими дело до конца, оказались в русской революции XX века вооружены и тем, и другим, и третьим. Победили большевики.

Через год после их победы тот же вопрос, при ином соотношении сил, повторился в Германии. Социал-демократия держала курс на установление демократической власти буржуазии и ликвидацию советов. Люксембург и Либкнехт держали путь на диктатуру советов. Победили социал-демократы. Гильфердинг и Каутский в Германии, Макс Адлер -- в Австрии предлагали "скомбинировать" демократию с советской системой, включив рабочие советы в конституцию. Это значило бы потенциальную или открытую гражданскую войну превратить в составную часть государственного режима. Нельзя придумать более курьезной утопии. Единственным ее оправданием в немецких землях служит разве старая традиция: еще вюртембергские демократы 48-го года хотели республики с герцогом во главе.

Противоречит ли явление двоевластия, недостаточно до сих пор оцененное, марксовой теории государства, которая рассматривает правительство как исполнительный комитет господствующего класса? Это все равно что сказать: противоречит ли колебание цен под влиянием спроса и предложения трудовой теории ценности? Опровергает ли самоотвержение самки, защищающей детеныша, теорию борьбы за существование? Нет, в этих явлениях мы находим только более сложное сочетание тех же законов. Если государство есть организация классового господства, а революция есть смена господствующего класса, то переход власти из рук одного класса в руки другого должен по необходимости создавать противоречивые состояния государства, прежде всего в форме двоевластия. Соотношение классовых сил

не есть математическая величина, поддающаяся априорному вычислению. Когда старый режим выбит из равновесия, новое соотношение сил может установиться лишь в результате их взаимопроверки в борьбе. Это и есть революция.

Может показаться, что эта теоретическая справка отвлекла нас от событий 1917 года. На самом деле она вводит нас в самую их сердцевину. Именно вокруг проблемы двоевластия вращалась драматическая борьба партий и классов. Только с теоретической вышки можно полно обзреть и правильно понять ее.